

завдячуючи яким ефективно здійснення, захист права на свободу віросповідного вияву стає реальністю. До таких гарантій в Україні насамперед варто віднести:

- *по-перше*, **світськість** держави, інституційна і функціональна позарелігійність державної влади, її світоглядна й конфесійна нейтральність;
- *по-друге*, **відокремлення** церкви (релігійних організацій) від держави, а школи від церкви (релігійних організацій), взаємне **визнання суверенності** й незалежності суб'єктів державно-конфесійних відносин, суворе дотримання принципу невтручання у специфічні сфери компетенції один одного;
- *по-третьє*, **рівність кожного** (людини і громадянина) у правах і свободах перед законом у всіх сферах суспільного буття, незалежно від їхнього ставлення до релігії, належності до тих чи інших конфесійних спільнот; **рівність** всіх релігій, віросповідань та релігійних організацій перед законом;
- *по-четверте*, дотримання принципу **невизнання** державою жодної релігії як **обов'язкової**, жодної церкви (релігійної організації) як державної.

Ці принципи (гарантії) постають основою юридичного механізму забезпечення свободи релігії, зокрема й свободи віросповідного вияву в Україні.

Виктор ЕЛЕНСКИЙ

РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Принято считать, что в течение последнего двадцатилетия объемы религиозной свободы в мире возросли. Это объясняется кардинальными политическими изменениями в Центрально-Восточной Европе и Евразии, улучшениями в ряде стран Латинской Америки, возросшим интересом к проблемам религиозной свободы, - не в последнюю очередь после принятия в 1998 г. Конгрессом США Акта о религиозной свободе в мире. С другой стороны, мощное возвращение религии на публичную арену, в глобальную политику и международные отношения, подъем воинствующего ислама, всплеск индуистского, сикхского, иудейского фундаментализмов привели к усилению религиозной нетерпимости и системным попыткам представителей различных религий ограничить свободы иноверцев.

Масштабное исследование Pew Research Center 198 стран планеты выявило, что в 119 стран ограничения религиозной свободы незначительны и даже совсем несущественны. Вместе с тем, в 64 странах – приблизительно в трети всех стран мира – существуют значительные и очень серьезные ограничения религиозной жизни. На первый взгляд, это свидетельствует о неуклонной поступи демократизации, распространяющейся на все большее количество стран и охватывающей религиозную свободу.

Но проблема заключается в том, что страны, где религиозные права человека безоговорочно попираются, самые многонаселенные. Это, прежде всего, Китай, а

также Индия, Иран, Индонезия, Пакистан. Таким образом, хотя религиозная свобода серьезно и очень серьезно нарушается лишь в трети стран мира, именно в этих странах живет 70% населения планеты. В то время как в 119 странах с низким уровнем ограничений религиозной свободы живет только 26% мирового населения.

В некоторых странах источниками дискриминации выступают национальные законодательные системы и действия властей, в других – враждебность населения, принадлежащего к какой-либо одной религии, к другим религиям. Скажем, в Китае или во Вьетнаме существуют определенные традиции религиозной толерантности, но правительства жестоко подавляют религиозную активность. С другой стороны, в Нигерии или в Бангладеш правительства сравнительно сдержаны в ограничении религиозных свобод, но агрессивность общества по отношению к религиозным меньшинствам делает эту свободу в высшей степени уязвимой. Во многих случаях, впрочем, ограничения религиозной свободе исходят из обоих источников. Наиболее грубо религиозная свобода, в соответствии с целым рядом исследований и сообщений из самых разных источников, подавляется в Саудовской Аравии, Пакистане, Иране, Северной Корее.

Попробуем задать себе наивный, но, все же, вполне закономерный вопрос: почему современный мир совсем не напоминает собой Царство Свободы, в первую очередь, в данном рассмотрении, свободы религиозной? Обратите внимание: народы и правительства в подавляющем большинстве своем понимают, что религиозная свобода – неотъемлемое право человека, заслуживающее и даже требующее государственной защиты. Более трех четвертей всех исследованных Pew Research Center стран провозглашают в своих конституциях или основных законах свободу религии, еще 20% обещают защищать те или иные религиозные практики. Но декларируя понимание значения религиозной свободы, большинство, вновь-таки, правительств не обеспечивают ее защиту. В конечном счете, только 53 государства (27% всех исследованных) полностью обеспечивают провозглашенные своими же законами права.

Итак, что же в наибольшей степени подрывает религиозную свободу? Прежде всего, думается, тот огромный потенциал вражды, в том числе на религиозной почве, накопленный человечеством по отношению к «другим» - к иным расам, нациям, религиям, классам. Попытка операционализации проявлений вражды на религиозной почве позволило Pew Research Center создать индекс социальной вражды (SHI – Social Hostility Index). Предположение, что в странах с высоким индексом SHI религиозная свобода чрезвычайно стеснена или, по сути дела, практически не существует, подтвердилось в полной мере. Наиболее высок этот индекс для Ирака, Индии, Пакистана, Афганистана, Индонезии, Бангладеш, Сомали, Израиля, Шри-Ланки, Судана и Саудовской Аравии. Глобально же ситуация выглядит следующим образом: в течение 2006-2008 гг. в 139 странах мира (т.е., в 70%), имели места акты оскорблений, насилия, запугивания на религиозной почве, причем в 35 странах это привело к смертельным случаям. В 16 странах к смертельным исходам приводили действия толпы и религиозных фанатиков, направленные против представителей других религий. В 60 (22%) странах мира ситуация осложняется активностью террористических групп, прикрывающихся религией. И если в 43 из них эта активность сводится к вербовке новых членов и сбору средств, то в 17 она привела к человеческим жертвам. Более того, в течение указанного периода в 24 странах мира шли религиозно обосновывавшиеся войны и вооруженные конфликты, причем в пяти странах число пострадавших, потерявших кров и изгнанных из своих домов,

исчислялось сотнями тысяч, а еще в пяти странах – миллионами. Обратим также внимание на то, что в 131 стране мира в разной степени организованные группы прибегали к силе с целью политического доминирования, в том числе – и с целью достижения господства той или иной религии и/или вытеснении из страны других религий. Более чем в половине стран мира сами религиозные группы предпринимают попытки – разной, конечно, интенсивности – прекращения деятельности в стране других религиозных сообществ. Стремление правительств и политических кругов поддержать эти попытки приводят к жестким мерам по ограничению свободы для целого ряда религиозных групп. Другими словами, от государств исходит равная по силе вражде на религиозной почве, а порой и превосходящая ее, угроза религиозной свободе.

При этом, тоталитарные режимы (Северная Корея, Китай, Куба) видят в религии угрозу своей монополии на власть, в том числе – и над умами и поведением граждан. В Китае, например, жесткий контроль за любой религиозной деятельностью сочетается с мерами по «патриотическому воспитанию» верующих и служителей культа и недопущению превращения религии в центры социального притяжения, альтернативной идеологии и зарубежного влияния. Зарегистрированные религиозные объединения всецело контролируются государством, в том числе – при помощи специально созданных патриотических ассоциаций. Особенно суровой индоктринации правительство стремится подвергнуть тибетских монахов (лаосское государство, кстати, тоже требует от буддистских монахов штудировать произведения классиков марксизма). Государственные органы пытаются даже взять под контроль процесс признания реинкарнации лам – в случае с Панчен-ламой китайское правительство и ламы признают истинной реинкарнацией разных людей. Обычной практикой являются аресты – в исправительные лагеря было брошено, например, около 100 тысяч последователей Фалун Дафа.

Другие государства подавляют религиозную свободу, отстаивая (так, как они ее понимают) культурную и религиозную идентичность своих обществ. Это, прежде всего, страны, где большинство населения составляют мусульмане. В некоторых из них не просто запрещены иные религии, но даже, как в Саудовской Аравии, немусульманские богослужения. Действующие в различных исламских странах нормы включают запрет на браки между мусульманами и христианами (Ливан), признание Корана высшим источником права (Оман), запрет на публичные богослужения немусульман (Катар), суровые, вплоть до смертной казни, наказания за кощунственные высказывания в адрес религии ислама, ее Пророка, Корана и пр. (например, в Пакистан, представители религиозных меньшинств составляют 5% населения страны, но 25% заключенных в тюрьмах). Практически всюду запрещен прозелитизм, деятельность зарубежных миссионеров и переход из ислама в другие религии. Во многих странах, где господствует суннитский ислам, жестокой дискриминации подвергается шиитское меньшинство. В целом ряде стран (Саудовская Аравия, Кувейт, Иран, ОАЭ и др.), гражданство непосредственно связано с исповеданием ислама.

Среди стран, большинство населения которых исповедует ислам, только четыре могут быть отнесены к таким, где религиозные меньшинства не испытывают подобных стеснений. Это африканские государства Буркина Фасо, Гамбия, Сенегал и бывшая советская республика в Центральной Азии Таджикистан.

При этом, следует учитывать, что большинство стран с доминирующим мусульманским населением не находится под руководством радикальных

исламистов, а, наоборот, ведет с ними борьбу. Какими могут быть «религиозные свободы» в случае победы последних, можно себе представить на примере режима талибан в Афганистане.

Среди государств, ограничивающих религиозные свободы, есть и такие, которые полагают, что подобные ограничения оправданы с точки зрения безопасности страны (Турция, Израиль).

Другие считают, что их попытки обуздать насилие на религиозной почве будет негативно воспринято религиозным большинством, насилие осуществляющим, и это подорвет позиции власти (некоторые штаты Индии, Нигерия, Бангладеш).

Обратим внимание на то, что конституции и основные законы 96 стран обязуются защищать свободу только определенной религии (религий). В 45% всех стран конституции или заменяющие их законы признают особый статус одной или нескольких религий. Понятно, что такое признание не ведет автоматически к ущемлению прав человека и свобод религиозных сообществ. Например, Андорра, Мальта, Лихтенштейн, имеющие государственную религию, ни в коем случае не ограничивают свободы других религий. Между имеющими государственную религию Англией, Данией – с одной стороны, и Ираном и Саудовской Аравией – с другой, дистанция огромного размера. Из того факта, скажем, что Аргентина, например, имеет государственную религию, ничего, по большому счету, для жителей этой страны не проистекает. А вот государственная религия в Марокко истолковывается государством как право установления жесткого контроля над мечетями, кораническими школами и проповедями. То есть, для некоторых западноевропейских и латиноамериканских стран государственная религия – это исторический и культурный символ, не означающий ни активного вмешательства государства во внутрицерковные дела, ни дискриминации религий, не имеющих государственного статуса. Как правило, в странах Западной Европы те права, которыми обладают государственные церкви, распространяются на все большее количество других религий, в том числе и относительно новых для той или иной страны. Однако, в других регионах мира государственный статус определенной религии наполнен вполне значимым содержанием и часто имеет дискриминационный характер по отношению к другим. Отметим, что в 38 странах мира существуют запрещенные религиозные сообщества. В 23 странах мира государства дискриминируют определенные религии, провозглашая их опасными сектами или культами. (Для желающих распространить эту практику на Украину, ссылаясь на «мировой опыт», отмечу, что в 175 странах такой практики нет). В 42 странах относительно некоторых религиозных групп существует запрет на прозелитизм, а в 33 странах прозелитизм запрещен вообще. В 36 странах мира существуют ограничения на переход из одной религии в другую; в 50 странах существуют отличия в правовом статусе религиозных лидеров, в отношении к разным религиозным доктринам и текстам; в 40% стран – ограничения на печатание и распространение религиозной литературы. Наконец, в 81 стране так или иначе ограничивается активность иностранных миссионеров, а в 11 странах их деятельность полностью запрещена. Суммарно, можно сказать, что почти в трети всех стран мира (64) государства, так или иначе, но демонстрируют враждебность к определенным религиозным группам, в том числе, применяя по отношению к ним насилие.

Понятно, что ограничением религиозной свободы может выступать и различное отношение государства к религиозным организациям. По данным Pew Center, только в 17 странах существует равное отношение ко всем без исключения религиозным организациям; в 12 странах часть их получает минимальные преференции, не доступные другим; серьезные же преференции, недоступные другим, получают религиозные организации в 104 странах.

В 123 странах мира правительства финансируют религиозное образование, явно фаворитизируя одну или несколько религиозных организаций; в 18 странах такого фаворитизма при финансировании образования не наблюдается и в 57 странах такое финансирование вообще не осуществляются (отметим, что во *всех* западных демократиях, кроме США, правительства финансируют религиозное образование). При этом в 72 странах религиозное образование в общеобразовательных школах обязательно на национальном уровне; в восьми странах – на региональном или местном уровнях; и в 60% всех стран такое образование не обязательно.

Интересно и то, каким образом и на каком основании государства осуществляют поддержку религиозных организаций. Вообще никакой поддержки – то есть не только финансирования, но и, например, специального признания как именно религиозной организации, – религиозные сообщества не получают только в 9 странах. Собственно финансовой и ресурсной поддержки религиозные организации не получают также в незначительном количестве стран – 28. В 25 странах эта поддержка осуществляется на более или менее равных основаниях; в 164 же странах часть религиозных организаций получают преференции, которых не получают другие.

В конце концов, государства часто стремятся к усилению своей роли в регулировании религиозной жизни и деятельности религиозных организаций. Только в 20 странах государство не требует от религиозных организаций регистрации, – даже для получения тех или иных преимуществ. В 61 стране регистрация носит недискриминационный характер; в 38 регистрация влияет на возможность/невозможность функционирования религиозных групп и в 79 странах мира регистрация имеет откровенно дискриминационный характер.

Хотя в 40% всех стран мира не существует государственных органов по делам религий, в 15 странах такой институт заменяет специальный совещательный неправительственный орган, с которым консультируется правительство. В 63 странах орган по делам религий не осуществляет дискриминационных и насильственных действий, но в 41 стране он систематически прибегает к ним.

Стремление к жесткому регулированию и регламентации религиозной жизни очень заметны в посткоммунистических, в первую очередь, конечно, – постсоветских странах. Тут удивительным образом соединены стремление к инструментальному использованию религии с откровенными опасениями ее возрастающей публичной роли. Характерно, что во многих странах бывшего СССР политические элиты системно используют религию для достижения или сохранения позиций власти, прибегают к религиозной символике и лексике, но, в тоже время, почти во всех постсоветских странах запрещено создание партий на религиозной основе и существует достаточно жесткое регулирование религиозной жизни. В 17 посткоммунистических странах так или иначе ограничивается прозелитизм и/или деятельность зарубежных миссионеров. В 21 из 27 посткоммунистических стран существуют специальные государственные органы по делам религий.

Магистральной тенденцией эволюции законодательных систем о свободе совести на постсоветском пространстве в последнее двадцатилетие стало не расширение, а сужение свобод, не либерализация, а ужесточение государственной регламентации и надзора за деятельностью религиозных организаций. Большинство стран бывшего СССР пересмотрело свои законы в сфере свободы совести, принятые на волне крушения советской системы и ввело в них положения, ставящие религиозные организации под *большой* контроль государства, подразумевающие преференции для Церквей и религий большинства, дискриминирующие религиозные меньшинства и ограничивающие индивидуальную свободу верующих. Кроме того, для верующих и целого ряда религиозных групп по-настоящему сложно воспользоваться правами, зафиксированными в основных и профильных законах, неисполнение властями законов своих же государств – острейшая проблема постсоветского пространства. Эту проблему усугубляет «местное законотворчество», безоговорочная поддержка в большинстве случаев местными властями религий большинства и гораздо более жесткое, чем даже требуемое из «центра», подавление религиозных меньшинств. Серьезные и очень серьезные ограничения деятельности религиозных меньшинств официально, полуофициально и неофициально существуют в Азербайджане, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстане, Молдове, России.

Наконец, напомним, что, по меньшей мере, два постсоветских государства – Туркменистан и Узбекистан – практикуют самые жестокие формы подавления прав и свобод человека и признаются одними из грубейших нарушителей религиозной свободы во всем мире.

К сожалению, факторы, ухудшающие глобальную ситуацию в сфере религиозной свободы, сегодня выглядят более серьезными, чем те, которые способствуют ее укреплению. Прежде всего, это продолжающееся «великое религиозное возвращение», многократно актуализирующее роль религии как мощного фактора политической мобилизации и межцивилизационного, межнационального и межэтнического противостояния.

Казалось бы, религиозное развитие планеты в большой степени должно было бы подтвердить схему эволюции религии Роберта Беллы, где после примитивной, архаической, исторической и раннесовременной эпох должна была настать эпоха плюралистической религии. То есть, религии все более индивидуализирующейся, где выбор тех или иных религиозных символов и представлений становится актом свободного выбора. Между тем, этот конструкт «работает» лишь для части мира и части не самой большой. Эпоха свободного выбора религии не настала ни для миллиардной исламской уммы планеты, ни для миллиардной Индии, ни для 1,3-миллиардного Китая. Более того, возрастающее многообразие в глобальном масштабе выступают скорее источником обостряющейся конкуренции, чем поиска плодотворного диалога. Религия играет существенную роль в значительном количестве военных конфликтов современности, она используется для оправдания насилия относительно приверженцев иных религий и «других» внутри одной религии. При этом, хотя религия редко выступает единственным источником конфликта, конфликты на религиозной почве становятся в XXI веке явлением более общим, чем в веке предыдущем. В более чем 50 конфликтах современного мира присутствуют выразительные или латентные религиозные элементы; начиная с 2000 г. 43% гражданских войн имели в своей основе также и *орелигиозную* мотивацию (в

1940-1950-х годах эта цифра не превышала 25%). Наконец, религиозные меньшинства дискриминируются чаще, чем все остальные меньшинства.

Подъем религиозных фундаментализмов во многих частях мира сопровождается неприятием религиозного многообразия мира, стремлениям к монополии и эксклюзивности и, в конечном счете, - отрицанию права человека на свободный выбор верить в то, что, по его мнению, достойно веры. Церковные иерархи, богословы и интеллектуалы мировых религиозных традиций обязаны отдавать себе отчет в том, как именно их «слово отзовется» в «гуще народной». Их стремление обосновать исключительность своего вероучения, провести как можно более четкие демаркационные линии между едино истинным, по их мнению, путем к Богу и путями, истинной не обладающими, чрезвычайно часто воспринимается их верными не просто как отрицание наличия истины у «других», но и как невосприятие права этих «других» на сколько-нибудь достойное существование.

Далее, обратим особое внимание на отмеченное Филиппом Дженкинсом смещение христианства на Юг и стремительное развитие «нового христианства». Христианства, «возвращающегося домой», на глобальный Юг, где оно, в общем-то, и зародилось и откуда в свое время устремилось на Север. Это христианство решительно отбрасывает «северную» усталость и истощенность, но вместе с «северными» же толерантностью и стремлением понять другого. Демографические изменения ведут к тому, что в середине нынешнего столетия в десятке стран с наибольшим христианским населением останется лишь одна, принадлежащая к «белому Северу» – США. Остальные девять: Китай, Бразилия, Конго, Индия, Мексика, Нигерия, Филиппины, Эфиопия и Уганда. То есть, центр тяжести христианства смещается в большой степени туда, где христианство обнаруживает свою пассионарность, ничем не ограничиваемое стремление «идти до края земли и проповедовать всем народам», нетерпимость к другим религиям. Если же вспомнить, что там, на Юге, христианство ждет не менее пассионарный и нетерпимый ислам, серьезные опасения не только за состояние религиозной свободы, но и за мир на огромном пространстве планеты, выглядят вполне обоснованными.

Совершенно очевидно, что драматические последствия для ситуации со свободой совести и религиозными правами человека имеют и будут иметь конфликты на религиозной почве или вооруженные столкновения, включающие религию в качестве своей составляющей. Такие конфликты прогнозируются в целом ряде стран, например, африканских, ставших полем острой конкуренции между христианами и мусульманами (Нигерия, Танзания, Берег Слоновой Кости и др.) Кроме того, на континенте – целый ряд стран, где крупные регионы контролируются повстанцами и где о соблюдении фундаментальных свобод говорить не приходится.

Безусловно, состояние религиозной свободы в мире в очень значительной степени будет зависеть от процессов демократизации. В случае новых «волн демократизации», подобных тем, которые прокатились по странам Латинской Америки и Центрально-Восточной Европы, ситуация с религиозной свободой может серьезно улучшиться. Однако, связь между религиозной свободой и демократической формой правления не всегда линейна. Ярчайший пример – Индия, крупнейшая демократия в мире, чей индекс ограничения религиозной свободы, разработанный Pew Research Center, – 5,1 (наивысший индекс - Саудовская Аравия – 8,4, самый низкий – Сан-Марино – 0,1. Для сравнения – для Украины этот индекс составляет 2,6). Если же посмотреть на ситуацию в глобальном масштабе, то окажется, что количество стран, являющихся, по подсчетам Freedom House

«свободными» и «частично свободными» увеличилось с 93 в 1975 г. до 147 в 2005. За этот же период удвоился уровень грамотности среди взрослых во многих странах Африки и Азии, уменьшилось количество людей в странах III Мира, живущих менее, чем на доллар в день. Но вот в таком более свободном, более образованном и чуть менее бедном мире, религия стала, как мы видели, более нетерпимой, политизированной и взрывоопасной.

Все более серьезную угрозу религиозной свободе представляет и воинствующий секуляризм, отказывающийся целым группам и отдельным личностям на достойное выражение своих религиозных чувств. Недавняя волна запретов на религиозные символы и традиционную одежду, прокатившаяся по Западной Европе, засвидетельствовала, что секуляризм сам хочет быть религией, отрицающей конкурентов. Впрочем, в странах Европейского Союза этим претензиям не дают разрастись до опасных размеров хорошо работающая судебная система и институты гражданского общества.

Направление и результаты некоторых религиозных перемен в той или иной части мира, имеющих, безусловно, влияние на ситуацию с религиозной свободой, порой оказываются совершенно неожиданными. Как, например, массовое обращение католиков, пусть в значительной степени и номинальных, в протестантизм в странах Латинской Америки. С одной стороны, это привело к большей религиозной свободе в ряде стран континента. С другой, - к гораздо более активной поддержке Католической церковью политической оппозиции. Церковь пришла к выводу, что многие ее покинувшие были разочарованы в своих правительствах и полагали, что Католическая церковь является верной союзницей латиноамериканских режимов. Поэтому выступив против них, она вернет в свое лоно хотя бы часть католиков.

Тенденций, объективно ведущих к укреплению и расширению религиозной свободы, гораздо меньше, чем развивающихся в обратном направлении. Пожалуй, одна из наиболее обнадеживающих среди них – это формирование достаточно мощной интеллектуальной традиции – как философской, так и богословской, – направленной на создание моделей переплавки религиозного многообразия в религиозный плюрализм и выработку новой глобальной этики. Для этой традиции, кроме всего прочего, плюрализм развивается не только по горизонтали, но и по вертикали, то есть, охватывает историю, которая не написана, а пишется и в наши дни, а не застыла в скрижалях. Эта интеллектуальная традиция пробивает себе путь в очень жестокой борьбе с религиозным эксклюзивизмом, высокомерием и враждебностью по отношению к «другим». Силы сторон выглядят неравными: с одной стороны – тысячелетние стереотипы, коллективная память, отягченная давними обидами, идеологические машины государств и развитые теологические школы. С другой – не слишком широкий круг интеллектуалов, которые, нередко еще и чужие в своих традициях (как, например, блестящий богослов, автор проекта глобального этоса Г.Кюнг, которому запрещено преподавать теологию в католических университетах). Но, вспомним, провозвестники по-настоящему планетарных идей почти всегда воспринимались как маргиналы...